

УДК 940.19

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ЭЛИТАХ «ОРДЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА» (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИВОНСКИХ ЛАНДАГОВ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI ВВ.)*

М.Б. БЕССУДНОВА*Ливонский
государственный
педагогический
университет**e-mail: magistr-59@mail.ru*

Исследование посвящено поиску дополнительных дефиниций «орденского государства». Автор исходит из мысли, что его типологические особенности определяются не только характером государственных структур, но и спецификой социального антуража, особенно его правящих элит. Отстраненность эстонского рыцарства, наиболее политически активного элитарного подразделения Ливонии, от высших государственных должностей, замещаемых исключительно рыцарями ордена, способствовала развитию в этой среде индифферентного отношения к общегосударственным проблемам, которое проявилось на ландтагах рубежа XV-XVI вв.

Ключевые слова: Ливонский орден, «орденское государство», элиты, рыцарство, ландтаг.

Социально-политическая тематика занимает одно из первых мест в историографии средневековой Ливонии. У истоков традиции стояли прибалтийские историки XIX – нач. XX в., чьи усилия сосредотачивались на сохранении правовых основ остзейской автономии, представленных комплексом дворянских и бюргерских привилегий. Рыцарство «Старой Ливонии», представленное ленниками Ливонского ордена, рижского архиепископа, епископов Дерпта (Тарту), Курляндии и эзель-викской (саареланенской) епархии стало поэтому одним из основных объектов исследования. Публикация документов по рыцарскому землевладению, истории Ливонии, Эстонии, Курляндии и рецессов (протокольных записей) ливонских ландтагов¹ создали на рубеже XIX-XX вв. прекрасную базу для изучения темы², однако с 30-х гг. XX в. интерес к прибалтийской знати немецкого происхождения притупляется. Долгое время он проявлял себя лишь в кругу прибалтийских немцев, эмигрировавших в Германию³.

Между тем изучение рыцарства средневековой Ливонии далеко не исчерпано. Немецко-прибалтийские историки представляли себе рыцарство социальным «организмом», взаимодействовавшим с горожанами, крестьянами или же с «властью» (государством)⁴. Между тем в условиях Ливонии речь шла не просто о государстве, а о «государстве орденском», которое занимало свыше 67% ее территории и являлось лидером ливонского государственного сообщества. «Орденские государства» (Ordensstaaten) Немецкого (Гевтонского) ордена в Пруссии и Ливонии, представляли собой особый тип средневековой государственности. Его формообразующим элементом являлся духовно-рыцарский орден. Обладая структурами, характерными для го-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а/9.

¹ Est- und Livländische Brieflade. Abt.1. Reval, 1856-1857; Curländische Güter-Chronik. Mitau, 1856-1894; Kurländische Güter-Chronik. Bd.1. Mitau, 1895; Neue Kurländische Güter-Chroniken. Mitau, 1900-1905; Livländische Güter-Urkunde. Riga, 1908; Liv-, Est- und Kurländische Urkundenbuch. Abt. 2 (LEKUB 2). 3 Bd. Riga, Moskau, 1900-1914; Akten und Rezesse der livländischen Ständetage (AR). Abt. 3. Riga, 1910.

² Fahne A. Livland und seine Geschlechter. Köln, 1875-1876; Gernet A. Forschungen zur Geschichte des baltischen Adels. 2 Bd. Reval, 1893-1895; Transehe-Roseneck A. Zur Geschichte des Lehenwesens in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 18. Riga, 1908; Švābe A. Grundriß der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928.

³ Mühlh. H. v. zur. Tiesenhausen, Vassalengeschlecht in Livland // Lexikon des Mittelalters. Bd. 8. 1997; Paravicini W. Zeitenwende. Edelleute aus dem Ordensland Preußen und Livland im Westeuropa des 15. Jahrhunderts // Reich, Regionen und Europa im Mittelalter und Neuzeit. Berlin, 2000.

⁴ Schirren K. Walter von Plettenberg. Riga, 1908.

сударств Нового времени – постоянным войском и централизованной хозяйственно-административной организацией, – он сохранял одновременно прерогативы феодального «земского правителя» – ландсгерра и мог взамен мира и справедливости, которые он гарантировал своим подданным, рассчитывать на исполнение ими разного рода повинностей. Сочетание столь разных проявлений этатизма, усиленное идеологической составляющей, и сообщало «орденскому государству» ту уникальность, которая выделяет его в ряду средневековых государств.

Специфика ордена проявлялась не только в институтах власти, но и в характере социального антуража. Там отсутствовала среда, к которой применимо понятие «аристократия» и которая идентифицируется наличием комплекса этико-поведенческих характеристик, дающих право на власть.

Основа социальной организации средневековой Ливонии⁵ возникла в XIII в., в эпоху военно-колониационного освоения немцами Восточной Прибалтики. Социальное размежевание ее населения производилось тогда, главным образом, по этно-конфессиональным признакам. Немецкая община воспринималась как гомогенная среда, объединявшая «всех людей христианского имени» (allen Menschen christlichen Namen) или просто «наших» (nostros), что затрудняет вычленение в общей массе крестоносцев и колонистов благородного элемента⁶. Активное участие немецкого рыцарства в завоевании Восточной Прибалтики угадывается по прекрасной военной подготовке и техническому оснащению крестоносцев⁷, а также по той сноровке, которую духовно-рыцарские ордена – Орден меченосцев (1202-1237) и Ливонский орден (1237-1561), – проявили при обустройстве замков и замковых округов (Gebieten). Во всем этом отчетливо ощущается административный и военный опыт имперских министерств, которые использовались средневековыми немецкими государями в качестве военных слуг, солдат гарнизонов и управленцев низшего и среднего звена. Подавляющее большинство рыцарей ордена и ливонских вассалов происходили именно из этой среды⁸, а потому не могли похвастаться ни знатностью происхождения, ни титулами, ни богатством, ни образованностью, ни причастностью к куртуазной рыцарской культуре, – словом, всем тем, что в эпоху Высокого Средневековья служило атрибутикой аристократизма.

Отсутствие в Ливонии природного аристократического элемента восполнялось наличием элит иного рода – в первую очередь, рыцарями ордена, вернее, теми из них, кто имел отношение к властным структурам «орденского государства». Присутствие ордена в качестве «коллективного государя» определило специфический характер социального размежевания ливонского общества – не между «благородными» и «неблагородными», а между рыцарями ордена и всеми категориями его подданных, включая вассалов немецкого происхождения. Даже самый богатый и влиятельный вассал величался не иначе, как «любезный верный» (liebe getreuwe), в то время за рыцарями ордена с XIV в. закрепилось звание «господа» (heren)⁹. Многофункциональные административные структуры «орденского государства» предлагали широкий спектр возможностей для жизненного обустройства выходцев из рыцарских семейств Германии, которые рассматривали государственные должности как средство обеспечения собственных материальных и социальных запросов. Угроза перенасыщения ордена рыцарскими кадрами заставила руководство ордена осуществ-

⁵ Angermann N. Livland im ausgehenden Mittelalter // Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands. Lüneburg, 1985. S. 9-21.

⁶ Бессуднова М.Б. Рыцарство средневековой Ливонии // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 86.

⁷ Mugurevič E. Die militärische Tätigkeit des Schwertbüderordens (1202-1236) // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. Toruń, 1991. S. 125-132.

⁸ Neitmann S. Von der Grafschaft Mark nach Livland. Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschorden. Köln, Weimar, Wien, 1993.

⁹ Бессуднова М.Б. Рыцарство средневековой Ливонии. С. 84-97.

лять жесткую регламентацию, вследствие чего звание братьев-рыцарей Ливонского ордена было прочно зарезервировано за дворянами из Вестфалии¹⁰. Это обстоятельство содействовало отмежеванию членов ордена от его немецких вассалов, для которых доступ в орден оказался закрыт.

Среди вассалов Ливонского ордена особую группу составляли ленники эстонских областей Гаррия (Харьюмаа) и Вирлянд (Вирумаа), которые выделялись своей экономической состоятельностью и политической активностью. Становление этого сословия происходило в период датского владычества над Эстонией, XIII – 1 пол. XIV в., когда датские короли наряду с земельными владениями жаловали своим вассалам различные привилегии, образовавшие основу местного феодального права. В 1347 г. Дания уступила Эстонию Немецкому ордену, чьим полномочным представителем в Эстонии считался ливонский магистр. Руководство ордена не покушалось на привилегии эстонских вассалов, а потому на протяжении XIV-XV вв. эстонское рыцарство смогло не только сохранить, но и приумножить свое положение. Сконцентрировав в своих руках значительную часть земельного фонда, оно стало играть ведущую роль в экспорте сельскохозяйственной продукции, прибыль от которого позволяла ему обзаводиться собственными военными отрядами и замками, что вкупе с правовой обеспеченностью дало им заметные позиции в местном управлении и на ливонских ландтагах.

Таким образом, ливонское «орденское государство» имело, по сути дела, два элитарных образования. Одно из них – орденское братство, возглавляемое краевыми магистрами, обладало прерогативами ландсгерра; второе – гаррийско-вирляндское рыцарство занимало исключительное положение в силу обладания земельной собственностью и привилегиями. Их взаимоотношения осуществлялись в условиях нарастающей конфронтации, особенно в XV в., когда ареной политических баталий стал ливонский ландтаг. Будучи органом сословного представительства (*gemeiner Landtag, generalis congregation prelatorum, praeceptorum ordinis nostri, nobelium et communitatum terrarium Livoniae*), ландтаг возник как объединение всех оппозиционных ордену политических сил, но в конечном итоге стал формой своеобразного сотрудничества ландсгерров и «сословий»¹¹. Поведение эстонских вассалов ордена на ландтагах весьма показательно, а потому его можно использовать для идентификации данного социального анклава. Его природа проявляла себя наиболее отчетливо в нестандартных, конфликтных ситуациях, когда велось обсуждение щепетильных вопросов, не предполагавших компромиссных решений. Интересы сословия, защищаемые на ландтаге в ходе оживленных дебатов его представителями, выступают чрезвычайно рельефно. Особенно часто такие ситуации имели место на рубеже XV и XVI вв. в условиях разгоравшегося конфликта Ливонии с Московским государством.

В отечественной историографии ответственность за эскалацию напряженности в Восточной Прибалтике традиционно возлагается на Ливонский орден и его магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494-1535)¹², хотя положение ордена, как и самой Ливонии, пережившей во 2-й половине столетия серию политических и экономических кризисов, было далеко не блестящим¹³. При таких обстоятельствах война с таким сильным противником, как Московское государство, было для Ливонии крайне нежелательной, во всяком случае, для такого умного и осторожного политика, каким

¹⁰ Neitmann S. Westfalen als Rekrutierungsgebiet des Deutschen Ordens in Livland // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland. Lüneburg, 2001. S. 113-128.

¹¹ Misāns I. Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag // Wolter von Plettenberg. S. 55.

¹² Базилевич В. К. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV в. М., 1952; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.

¹³ Бессуднова М.Б. Ливонский орден в конце XV века: миф и реальность // История общественного сознания: становление и эволюция. Воронеж, 2008. С. 54-58.

был магистр Ливонского ордена¹⁴. Вместе с тем на нем лежал основной груз ответственности за обороноспособность страны, и поэтому ухудшение отношений с Москвой, сопровождавшееся концентрацией русских войск близ русско-ливонской границы, вооруженными набегами на ливонские земли, а также бездействием великокняжеской администрации в Новгороде и Москве, чрезвычайно его беспокоило. Известие о закрытии в Великом Новгороде 6 ноября 1494 г. ганзейской конторы (Немецкого подворья) и аресте ганзейских купцов, после которых в Ливонии стали распространяться слухи о скором начале войны с Россией¹⁵, заставляло Плеттенберга обращаться – хотя и без ощутимого результата, – с просьбой о предоставлении Ливонии военной и финансовой помощи к верховному магистру, европейским государям и Ганзе¹⁶.

Проблема подготовки страны к обороне постоянно обсуждалась на ландтагах предвоенных лет (1494–1500) и во время русско-ливонской войны 1501–1503 гг. Первый из них был созван магистром Плеттенбергом в марте 1495 г. в города Вальке (Валка/Валга) и прошел относительно спокойно¹⁷, однако уже следующий (3–6 июля 1498 г.) оказался напряженнее. В феврале этого года провалом закончились русско-ливонские переговоры в Нарве, после чего, начиная с апреля, ливонская территория стала подвергаться нападениям русских вооруженных отрядов¹⁸. Война с Московским государством приближалась, а помощи из Европы не было. Руководство Немецкого ордена после того, как орден потерпел поражение в Валахии, само нуждалось в помощи¹⁹; из всех ганзейских городов только Любек и вендские города согласились оказать Ливонии материальную поддержку²⁰; император Максимилиан Габсбург всячески затягивал решение вопроса об отчислениях в пользу Ливонии из имперской казны²¹, – словом, к концу 90-х годов Плеттенбергу стало ясно, что в предстоящей войне Ливонии надлежит рассчитывать только на себя, и в его сознании сформировалась идея укрепления военного потенциала страны посредством мобилизации ее внутренних ресурсов.

Эту идею магистр и вынес на обсуждение ландтага. 5 июля он лично выступил перед представителями сословий с речью, в которой сообщил собравшимся о пограничных инцидентах, нападениях русских на ливонские земли, о тревожных донесениях лазутчиков и передал содержание оскорбительного письма, полученного им из Пскова²². В своем выступлении магистр сделал особый упор на необходимости не только опосредованного, через выплату определенной денежной квоты, но и личного участия каждого ливонца в обороне страны. Он воспротивился введению денежной компенсации в 20 марок, которые следовало платить землевладельцу за каждого недопоставленного рекрута, заметив при этом, что «одними лишь деньгами противника отразить нельзя»²³. И хотя обращение магистра было адресовано исключительно ливонским немцам и не касалось представителей коренного населения, «ненемцев» (Undeutsche), это было первым случаем, когда один из ливонских государей, обращаясь к подданным, взывал не к долгу вассала в отношении своего сеньора, а к патриотическим чувствам «ливонской нации».

Однако, как оказалось, ливонские сословия были не в состоянии воспринять подобную идею. Против самой идеи долевого участия в подготовке страны к обороне

¹⁴ Бессуднова М.Б. «Осторожная мудрость» Вольтера фон Плеттенберга: о соотношении консерватизма и новаторства во внутренней политике магистра Ливонского ордена в начале XVI в. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 9. Воронеж, 2004. С. 157–174.

¹⁵ LEKUB 2. Bd. 1. № 83.

¹⁶ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. 1494–1514. Marburg, 1929. S. 1–20.

¹⁷ AR. № 2. § 2. S. 3.

¹⁸ AR. № 10, § 16.

¹⁹ LEKUB 2. Bd. 1. № 624, 625, 644.

²⁰ LEKUB 2. Bd. 1. № 680.

²¹ LEKUB 2. Bd. 1. № 599, 605, 611, 624, 701.

²² AR. № 10, § 16.

²³ AR. № 10. § 13, S. 13.

никто не возражал, но вот размеры квот, как свидетельствует содержание протокола (рецесса), вызвали оживленные дебаты. Рыцарство, со своей стороны, было крайне озабочено неизбежной при рекрутских наборах нехваткой рабочих рук в поместьях, и по этой причине между двумя его фракциями, эстонской и латгальской, начались прения. Латгальцы требовали при определении числа рекрутов, поставляемых помещиками, учитывать богатство гаррийско-вирляндских вассалов и большую населенность их поместий и в конечном итоге добились своего. Согласно постановлению ландтага, они должны отдавать в войско каждого 20-го из принадлежащих им крестьян, в то время как гаррийцы и вирляндцы отдавали каждого 15-го²⁴. Впрочем, рыцари выступили единым фронтом против городов, настаивая, чтобы их собственное участие в выплате военного налога исчислялось меньшей суммой на том основании, что война грозит Ливонии из-за городов – из-за закрытия ганзейской конторы в Новгороде в 1494 г.²⁵. В итоге утвержденная ландтагом сумма военного налога оказалась в 4-6 раз ниже той, на которую рассчитывал магистр, и ее явно не хватало для покрытия предстоящих расходов²⁶.

В немецко-прибалтийской историографии события, связанные с ландтагом 1498 г., воспринимались восторженно, а Плеттенберг представлялся «рыцарственным защитником Ливонии», который сумел объединить ливонскую «нацию» на разгром врага²⁷. Подобные заключения, однако, мало соответствовали действительности. Межсловные и внутрисловные противоречия, которые четко обозначились на ландтаге 1498 г., оказались слишком сильны, и в канун русско-ливонской войны магистру не удалось вызвать в Ливонии массового патриотического порыва. На словесном собрании вассалов Эстонии (мантаге), состоявшемся вскоре после окончания работы ландтага, принятые им решения были ратифицированы. Однако собравшиеся там представители гаррийско-вирляндского рыцарства не преминули заметить, что магистру следует подумать о скорейшем возвращении мобилизованных крестьян их владельцам²⁸. Недовольство от потери рабочих рук, которое испытывали рыцари Эстонии, проявило себя впоследствии не раз. Когда, к примеру, в 1501 г. Плеттенберг, заключив союз с великим князем Литовским Александром (1492-1506), начал готовиться к войне с Московским государством, эстонские вассалы ордена заявили ему, что «сами они пашню не обрабатывают, а значит, не смогут последовать за господином магистром в поход, когда это станет необходимо, поскольку в этом случае они не сберегут своих крестьян»²⁹. Озабоченность рыцарей нехваткой рабочих рук в их поместьях дополнялась их откровенным нежеланием выполнять долг вассала и, отправляясь на войну, оставлять без хозяйского надзора свои земли. Содержание рецессов, таким образом, свидетельствует об утрате эстонским рыцарством признаков военного сословия и об окончательном превращении его в сословие землевладельцев, использующих свои земли и принадлежащих им крепостных для развития фольварочного хозяйства.

С началом русско-ливонской войны недовольство вассалов стало стремительно нарастать. Поход на Псковщину, предпринятый Плеттенбергом в конце лета 1501 г. «cum tota terra Livonica»³⁰, оторвал вассалов от их поместий и в буквальном смысле их обезлюдел. Так, по сообщению комтура Феллина (Вильянди) Дельвига, штатгальтера магистра на время его отсутствия, в конце лета – т.е. в период жатвы, –

²⁴ AR. № 10. § 18.

²⁵ AR. № 10. §§ 12, 13, 15. S. 12-13.

²⁶ AR. № 10. § 11.

²⁷ Rutenberg O. Geschichte von Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1860. Bd. 2. S. 281.

²⁸ AR. № 11. S. 16.

²⁹ LEKUB 2. Bd. 1. № 1023а.

³⁰ Бессуднова М.Б. Походы магистра Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2007. С. 157-184.

в округе Ревеля «было пусто, и в замках совсем никого не было»³¹. Кампания оказалась очень тяжелой. В сражении на реке Серице конница, в составе которой сражались вассалы ордена, попав под артиллерийский обстрел противника, понесла основные потери³². Позже многие участники похода погибли из-за распространившейся в войске эпидемии³³.

Детонация возмущения случилась все же несколько позже, после того как в ноябре-декабре того же 1501 г. по Ливонии от Мариенбурга (Алуksне) в сторону Ивангорода, разоряя все на своем пути и увозя большое количество пленных, прошли рейдом русские войска. Авторитет Плеттенберга, который на смог предотвратить нашествие, в те дни стремительно падал, и ему в глаза говорили, что, мол, пора думать о бегстве «за море»³⁴. Гаррийско-вирляндское рыцарство, чьи земли пострадали от вторжения неприятеля, от приглушенного недовольства перешли к открытому неповиновению. Они демонстративно отказались принять участие в ландтаге, который магистр созвал в январе 1502 г. для выработки программы по преодолению кризисной ситуации и укреплению обороны страны.

Обстановка, в которой проходила работа январского ландтага 1502 г., была крайне серьезной. По словам Р. Кентманн, «ливонское политическое сообщество находилось на грани краха»³⁵, и поведение гаррийско-вирляндских вассалов лишь осложняло ее. Их представителей на ландтаге не было, но это не означало, что они оставались полностью безучастными. Полномочный представитель верховного магистра Фридриха Саксонского комтур Мемеля Драхенфельс, которому было поручено присутствовать на ландтаге и составить для главы Немецкого ордена обзор происходящего, в своем отчете сообщал: «Капеллан архиепископа [рижского] сказал, что [люди] из Гаррии и Вирлянда на это собрание не придут и причина состоит в том, что они, якобы, не чувствуют себя защищаемыми магистром [Ливонского ордена]. Кроме этого, они не хотят ему повиноваться. Они не признают над собой никого, кроме верховного магистра Пруссии, которому они присягали и на которого возлагают всякие надежды. И они не хотят вновь отправляться с магистром [Плеттенбергом в поход] на врага, поскольку тогда они будут беззащитны. Защиты же они намерены требовать только от верховного магистра. Если же он не сможет их защитить, они намерены искать себе другого господина, например, короля Датского или Шведского»³⁶.

Драматизм происходящего Плеттенберг осознавал в полной мере и в разговоре тем же комтуром Мемеля посетовал, что не знает, «как ему поступить с Гаррией и Вирляндом, поскольку они не подчиняются ему ни в чем и, как слышно, намереваются пропустить врага [русских] через свою территорию»³⁷. Посланец верховного магистра имел случай лично убедиться в обоснованности опасений Плеттенберга. Ему нанес визит «представитель Гаррии и Вирлянда, и не из простых [людей], а из самых важных (von den wegesten)», который просил комтура о посредничестве в общении между ним и верховным магистром. «Кроме того, он сказал, что по дружбе своей может предоставить [великому магистру] 3-4 сотни лошадей»³⁸. Этот щедрый посул анонимного визитера был сделан в то самое время, когда представители ливонских сословий во главе с магистром Плеттенбергом принимали решение об организации нового похода на русскую территорию, когда в Ливонии продолжало действовать распоряжение магистра о созыве ополчения, а вывоз верховых лошадей из страны был строго запрещен. Эта ситуация может служить прекрасной иллюстрацией того пре-

³¹ LEKUB 2. Bd. 2. № 160.

³² Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 8. Reval, 1861. S. 145-146.

³³ Ibidem. S. 146.

³⁴ LEKUB 2. Bd. 2. № 221.

³⁵ Kentmann R. Op. cit. S. 25.

³⁶ LEKUB 2. Bd. 2. № 230. S. 161.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

небрежения, с которым рыцарство Гаррии и Вирлянда относилось к Плеттенбергу. Правда, встреча закончилась безрезультатно; комтур Мемеля не стал усугублять положение – «мы все поняли и прекратили дальнейший разговор».

Угроза неповиновения приказам магистра и произвольный отказ от участия в военных действиях, которые исходили в тот момент от гаррийско-вирляндского дворянства, означали, в сущности, открытый фронт на севере страны, угрозу потери Нарвы, а может быть, и Ревеля. Переход же в подданство от иноземного государя мог обернуться потерей значительной части территории «орденского государства» вместе с теми же Ревелем и Нарвой и к конфликтом с Данией, что для Ливонии, в лучшем случае, означало потерю надежды на помощь этого государства в войне с Россией, а в худшем – губительную войну на два фронта. Но эстонских вассалов ордена, не выходящих за рамки сословной обособленности, это волновало мало. Они продолжали мыслить традиционными категориями, характерными для средневековых вассально-ленных отношений, в соответствии с которыми исполнение вассалом своего долга в отношении сеньора напрямую зависело от того, насколько эффективно последний осуществляет защиту его интересов. Плеттенберг в 1501-1502 гг. казался эстонскому рыцарству «плохим» ландгерром, которого можно было поменять на другого, будь то верховный магистр, которому Гаррия и Вирлянд принадлежали юридически, или же другой иноземный государь. Попытка одного из лидеров рыцарской оппозиции наладить контакты с верховным магистром свидетельствует о серьезности подобных намерений.

Плеттенбергу в этой ситуации оставалось только успокоить своих строптивых подданных. Судя по размерам войска, с которым он предпринял очередной поход на Псковщину в августе-сентябре 1502 г. – его войско насчитывало всего 5 тыс. человек вместо 80 тыс., которые были у него в 1501 г.³⁹, – он отказался от тотальной мобилизации, хотя вербовка наемников и их содержание стоили ему невероятных усилий⁴⁰. Победа, одержанная им над русскими войсками 13 сентября у Смолинского озера близ Пскова, и начатые вслед за тем мирные переговоры укрепили его положение. После окончания войны Плеттенберг предпринял широкую раздачу ленов⁴¹. Ее можно было бы объяснить потребностью заполнить бреши, которые война оставила в среде орденских вассалов, однако практика передачи домениальных земель в ленные держания, начавшись в послевоенные годы, продолжалась и позже. Она на века сохранила память о себе в названии «Плеттенберговы гаки» («Plettenbergische Hacken») и позволяет говорить об определенном расчете этого умного политика, вызванном разными соображениями среди прочего – желанием умиротворить ту взрывоопасную среду, которую представляли собой эстонские вассалы ордена. Можно также добавить, что на ландтаге 1507 г. Плеттенберг поддержал предложение ливонских «сословий» освободить крестьян от военной службы, и отныне их участие в военных мероприятиях сводилось к выплате военного налога⁴².

Что же касается самих ландтагов, то уже в 1503 г. магистр разработал и применил практику предварительных совещаний, на которые он приглашал тех, в ком видел или ощущал потенциальных союзников, в первую очередь, представителей городов. На этих совещаниях у магистра вырабатывалась программа действий, рассматривались все сложные моменты, вносились необходимые коррективы. Результат не заставил себя ждать – уже с 1504 г. голос Плеттенберга на ландтагах стал определяющим⁴³.

³⁹ LEKUB 2. Bd. 2. № 191, 381.

⁴⁰ Бессуднова М.Б. Организация обороны Ливонии магистром Плеттенбергом в начальный период его правления (конец XV – начало XVI вв.) // Вехи минувшего. Вып. 2. Липецк, 2000. С. 228-234.

⁴¹ Бессуднова М.Б. Вассально-ленная система Ливонского ордена. С. 147-164.

⁴² Blumfeld E. Über Wehrpflicht der estischen Landesbevölkerung im Mittelalter // Apophoreta Tartu-ensia. Stockholm, 1949. S. 168.

⁴³ Misäns I. Op. cit. S. 60-61.

Таким образом, мы видим, что на ландтагах, которые проходили в крайне напряженный для «орденского государства», да и всей Ливонии период, гаррийско-вириандское рыцарство, которое представляло собой одно из ее самых влиятельных и в экономическом и в политическом отношении социальных образований, проявило лишь малую заинтересованность в разрешении проблем общегосударственного значения. Причину тому, думается, следует искать не только в развитии барщинномызного хозяйства, с которым эстонское рыцарство связывало перспективы собственного благополучия, но и с особой формой его существования в системе «орденского государства».

Еще только предстоит ответить на вопрос, почему Немецкий орден так твердо придерживался порядка набора рыцарских кадров из Германии, но уже сейчас ясно, что следствием этой практики стала своеобразная дифференциация однотипного социального материала, представленного выходцами из вестфальских дворянских семейств, которые по прибытии в Ливонию распределялись на двух социальных уровнях – государя и его подданного. Не получил приемлемого объяснения пока и тот факт, что вассалы ордена против такого распределения не возражали и не требовали открыть для них доступ в ряды рыцарей ордена. Возможно, остроту момента притупляло то, что многие представители немецкого рыцарства в Ливонии имели в ордене своих родственников⁴⁴ и через них могли воздействовать на его политику.

Вместе с тем отсутствие перспективы проникновения в ряды власть предержащих и обретения высших государственных должностей способствовало тому, что к началу Нового времени эстонское рыцарство конституировалось в сословие землевладельческое. При этом оно не обрело способности мыслить государственными масштабами и продолжало воспринимать действительность через призму отживших свой век вассально-сеньориальных отношений. Оно не смогло преодолеть известной индифферентности в отношении государственных проблем, включая задачи по укреплению обороны страны, и вплоть до ликвидации ливонского «орденского государства» в 1562 г. оставалось самой влиятельной центробежной силой.

ABOUT SOCIAL ELITES OF AN «ORDER STATE» (ACCORDING TO THE MATERIALS OF LIVONIAN LANDTAGS AT THE TURN OF XV–XVI CENTURIES)

M.B. BESSUDNOVA

*Lipetsk State
Pedagogical
University*

e-mail: magistr-59@mail.ru

The purpose of this article is to seek for additional definitions of an «order state». The author proceeds from the assumption that the typological peculiarities of a state depend not only on the character of governmental institutions, but also on the specific nature of social entourage, primarily demonstrated by ruling elites. Estonian chivalry, the most politically active element of Livonia's elite, was not allowed to hold high governmental positions which within the boundaries of the «order state» were occupied only by the order's knights. This situation contributed to the growth of the chivalry's indifference towards country-wide problems that showed itself at Landtag meetings at the turn of XV–XVI centuries.

Key words: the Livonian Order, an «order state», elites, chivalry, Landtag.

⁴⁴ Arbusow L.-s. Nachtrag zu den im Deutschen Orden in Livland vertretenen Geschlechter // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. 1907/1908. Mitau, 1910. S. 33-64; Ritterbrüder im livländischen Zweig des Deutschen Ordens. Hg. v. L. Fenske und K. Militzer. Köln, 1993.